

Приходит время подводить итоги,

Наш скудный скарб неспешно перечесть.
Что позади? — Потери и дороги,
Что впереди? А впереди — Бог весть.

Жизнь пролетает, как шальная птица.
Её не успеваешь разглядеть.
Не спрашивали нас: хотим ли мы родиться?
Кто спросит нас: готовы ль умереть?

Благословим же всё: и небеса, и землю,
И губы женщин, целовавших нас.
И жизнь, и смерть, как должное, приемля,
Благословим свой первый и последний час.

Всё-таки

А всё-таки мы с возрастом умнели -
Яснее понимаем мы с годами:
Под сорок- все нам очень надоели,
А в шестьдесят-всем надоели сами.

Мы всегда жалеем о прошлом,
Об ушедших днях и друзьях.
Знать, нам в прошлом звучит лишь хорошее,
Как манящее эхо в горах.

Всё больше духом мы скудеем

Всё больше духом мы скудеем,
Презрев все нормы и запреты.
И в результате мы имеем
Одни вопросы без ответов.

О смысле жизни рассуждая,
Живём бессмысленною жизнью.
И в поисках земного рая,
Друзей теряем и отчизну.

Кого-то судим очень строго,
Своих грехов не замечая.
А вспоминаем мы о Б-ге,
Лишь мерзко богохульничая.

И клясть свою судьбу не надо,
В разврате, пьянстве утопая.
Коль сами мы исчадья ада,
Так нечего мечтать о рае.

В стране «Мерседесов»

В стране «Мерседесов» и «БМВ»
От счастья кружиться б моей голове,
В восторге излиться б моим устам —
Здесь всё по закону, на всё-устав:

Старушка с причёской и сумочка в тон,
Здесь всё надёжно, даже кондом,
Здесь всё продумано--даже смерть,
Здесь можно поверить, что небо—твёрдь.

Истина в любви

Кружится, вертится чудная наша планета,
Мечутся в поисках истины люди на ней.
Сколько веков человек рассуждает об этом,
Но до сих пор ни счастливей не стал, ни умней.

Падают, падают звёзды--ведь их не убудет.
Боги ж сбежали с Олимпа от воя ракет.
Строят, ломают, воюют—безумствуют люди,
Ищут, находят, теряют, а истины—нет.

Истина тенью маячит порой у порога—
Только незримые пути в себе разорви.
Кто-то считает, что верит в единого Б-га,
Веря, что может быть божеским «Спас на крови».

Нам бы пора подобреть, поумнеть хоть немного.
Братом, сестрой человек человека зови!
Сколько же можно надеяться только на Б-га,
Не понимая, что истина—только в любви?

Вам, женщины!

Долой футбол, вино и карты —
Квартиру время прибирать.
Сегодня день 8-го марта —
Мы будем женщин поздравлять:
Жену и мать!

От самой первой школьной парты
И вплоть до лысин и седин
(Неважно молод или стар ты)

Поздравят вас все как один
Друг, муж и сын!

Припев:

Бэлла, Рахиль и Ольга и Наташа,
Лена, не перечесть нам всех имён.
Все вы сегодня и милей, и краше!
Всем вам и восхищенье, и поклон!

Мы целый год вам треплем нервы
И пьём не только чай и квас.
Но, словно в день свиданья первый,
Мы в этот день так любим вас,
Как в первый раз!

«Любви все возрасты покорны», -
Сказал известнейший поэт.
Признаться вовсе не зазорно,
Что нам без женщин жизни нет
На склоне лет.

Припев:

Абрам

По крови — евреи, но — русские мы,
С сермяжным наследьем тюрьмы и сумы,
С бедой российской и с «еврейским счастьем».
Хоть приобщились к Западу отчасти,
Мы — русские с еврейскою душой —
Нам плохо даже там, где хорошо.

Да, мы и евреи, и русские мы.
Нам скучно без русской морозной зимы.
Пьём водку из гранёного стакана
И ждём всегда подвоха и обмана.
Еврейская туманная дорога
Петляет меж пивной и синагогой.

Так вышло: евреи и русские мы.
Мы знаем, что Рим красивей Костромы,
Для нас теперь границы все открыты,
Но здесь и там полно антисемитов.
От Хайфы и до северных морей
Живёт Абрам — и русский, и еврей.

Всё свою имеет цену

Всё свою имеет цену,
Жизнь за всё предъявит счёт:
Плата за любовь – измена,
И падение- за взлёт,

За добро- неблагодарность,
За бесстрашие- успех,
За богатство плата- жадность
И раскаянье- за грех.

Если жизнью обделён ты,
Не спеши судьбу хулить-
Знать, тебе, определённо,
Меньше под конец платить.

Цель жизни

Всегда винить себя, стереть
Весь лак с желаний и поступков,
Росток смиренья нежный, хрупкий
Любовью к ближнему согреть.

Без трепета и укоризны
Чужую боль в себя вобрать,
Дарить, любить, терпеть, дерзать.
Всё это- цель и смысл жизни

Всё происходит в жизни неспроста

Всё происходит в жизни неспроста.
Немало миру мы, евреи, дали—
От нас ведь получили вы Христа,
За что, конечно, мы и пострадали.

И появился антисемитизм,
Звериное своё оскалив рыло.
Тут миру подарили мы марксизм-
Шестую часть планеты замутило.

Не надо нас пугать, не надо злить-
Зачем вам потрясенья, катаклизмы?
Ведь мы вас снова можем одарить,
Каким-то современным «измом».

Во все века всегда один исход,
Не помогают слёзы крокодила-
Где страны, мой губившие народ?
Всех юдофобство привело к могиле.

Г.Гейне

Что двести лет?-Ведь воды Рейна
Всё то же шепчут берегам.
Сатирк, лирик—мудрый Гейне—
Как близок ты и дорог нам.

Всё было: травля и гонения,
Отступничество и хула,
Паралич, смерть, но сила гения
Тебе бессмертие дала.

Два слова

Бывает поздней осенью, в ненастье,
В холодные и серые дожди
Так хочется чьего-нибудь участия—
Пусть кто-то просто скажет: верь и жди.

Мы не умеем безоглядно верить,
И уж совсем мы не умеем ждать.
Короткий век, что нам судьбой отмерян,
Холодной, хмурой осени подстать.

Забудь про осень, седину, потери,
Прости измену, ложь и клевету—
Надеждой дождь ворвётся в твои двери,
Опавший лист вскружит твою мечту.

Ушедший друг с тобой ведёт беседу,
Вот женщина, с которой не сбылось,
Пьёшь то вино, что не пришлось отведать,
И можешь всё, что в жизни не могло.

Всего два слова—и в осенней хмари
Лучом надежды вновь ты ослеплён,
Так хмурый день тебе нежданно дарит
Всё то, чем жил и чем был обделён.

День Победы

Который год мы в этот день в Германии.
В наш самый светлый праздник в «их» стране.
Мы, дети тех, погибших и израненных,
Мы, дети победивших в той войне.

Мне скажут: время все обиды сгладило,

Мол, детям за отцов не отвечать.
Но живы в нас слова: «фашистской гадине
Мы нашу землю не дадим топтать.»

Вот мой отец на снимке с орденами—
Мне видится в глазах его упрёк:
Ужель всё так меняется с годами,
Что просто предал ты меня , сынок.

И в день Победы, кровью завоёванной,
Я вспоминаю всё о той войне.
И памятью, и совестью закованный,
Я признаюсь, отец, в своей вине.

Деревья зеленеют

Не радуйтесь пьянящему успеху
И не отчаивайтесь от житейских бед.
А если вам порою не до смеха,
То не вините в том весь белый свет.

Не удалось вам стать миллионером?
Порой и на бутылку денег нет?
А из болезней- нет одной холеры.
Вы не вините в том весь белый свет.

С женою нелады, с детьми проблемы,
И женщинам уж не глядите вслед,
А жизнь для вас, как евнуху гаремы.
Ну не винить же в том весь белый свет.

Враги ликуют, а друзья жалеют,
И каждый норовит подать совет.
Но... вновь весна деревья зеленеют.
Ну в чём он виноват - весь белый свет?

Есть срок

Есть срок—мы уходим, уж сердце не бьётся,
И мир, целый мир, именуемый «я»,
Исчезнет, утонет в бездонном колодце,
И вечность придёт, свои тайны тая.

Для всех остающихся свет не погаснет,
Ничто не изменит поток бытия.
И ночь будет тёмной, и день будет ясным,
И жизнь, будет жизнь, но уже не моя.

Но я ещё жив, ещё свет не погас мне,
Мне блещет луна и кивают цветы,

И млеет душа и, пришпорив Пегаса,
В стихах воплощу и любовь, и мечты.

Пока я живу, прочь тоска и печали!
Есть дружба, любовь и друзья, и вино.
Не мне журавли так печально кричали,
И смысл простой я усвоил давно:

Пока жизнь бушует в своей круговерти,
И в страстной истоме смеётся весна,
Есть радость и счастье—нет тлена и смерти—
Так было, так будет во все времена.

Женщинам

В стихах о женщине должно быть восхваленье.
Я ж защищать мужчин избрал нелёгкий путь.
Но коли сильный пол достоин утешенья,
Тут, если вдуматься, одна и та же суть.

Корят нас женщины сейчас не без причины:
Где рыцарство и страсть былых времён?
Где гордые и щедрые мужчины?
Ведь вместо шпаг - одних бутылок звон.

А было время - за улыбку милой
Мужчина был готов и жизнь отдать.
Так что же так мужчину изменило?
И что в дальнейшем можно ожидать?

Презрев эмансипации химеру,
А феминисток уложив в кровать,
Мы будем, как бывшие кавалеры,
Лелеять вас, жалеть и восхвалять.

Мы любим вас неистово и нежно.
Как сто, пятьсот и тыщу лет назад.
Вглядитесь в нас - внутри мужчина прежний.
И жизнь за вас отдать всё также рад.

Забив камнями мамонта

Забив камнями мамонта и мясо разделив,
Храпят неандертальцы у пещеры,
А женщины, повязками едва свой срам прикрыв,
Мечтают о галантных кавалерах.

Мойсей своих евреев 40лет везде водил,
Чтоб укрепить в них истинную веру,
А женщины, в пустыне ребятишек народив,

Мечтали о галантных кавалерах.

20-й век—муж преданный не редкость в наши дни,
Муж верный—редкость, хоть и есть примеры.
Что ж наши женщины?—По-прежнему они
Мечтают о галантных кавалерах.

Во все века, пред женщиной колени преклонив,
Ей посвящаем жизни и карьеры.
Бываем мягче воска мы и твёрже, чем гранит,
А нужно быть галантным кавалером.

Зимняя песня

Не грусти, моя подружка,
Жизнь, любовь—один обман.
Как у Пушкина: где кружка?
Нет кружки—вот стакан.

За любовь мы пить не станем,
Пить за дружбу—ерунда.
Мы друг друга не обманем
И не бросим никогда.

Вот за это мы, пожалуй,
Выпьем и опять нальём.
Если нам не помешают,
Мы и песню запоём.

Кто-то спросит: где ж подруга?
Не валяй, мол, дурака.
За окном поёт мне вьюга,
А подругу звать—тоска.

Как легко быть оптимистом

Как легко быть оптимистом,
Если в жизни всё о-кей.
Был бы графом Монте-Кристо,
Я б дожил до наших дней.

Жизнь моя словно песня,
Только грустный мотив.
Я родился Дантесом—
Мне б найти замок Иф.

Да аббата впридачу,
Бриллиантов мешок,
Да немного б удачи,
Что-бы всё это впрок.

Только сказки прилетают
Лишь в слюнявом детском сне-
Жизнь обычно протекает
В абсолютнейшем г—не.

И живу я как в романе,
Где всегда сплошные “без”:
Вечно без гроша в кармане,
Без Гайде, без Мерседес.

Когда рождаются стихи

Когда в душе печаль, как из костра дымок,
Рождается плывёт и тает,
Когда с надеждой вера умирает,
Тогда весь мир--не я, я- одинок.

Сосёт тоска, её не утолить ничем,
И утешенья нет ни в друге, и ни в Боге.
Короткой кажется к концу дорога,
И остаётся лишь вопрос: зачем?

Пусть нет слезы- глаза мои сухи,
Но разум и душа моя в неволе.
И вот тогда рождаются стихи,
Как исцеление от боли.

Когда слепая злоба иссушает душу,
Когда от мерзости спасенья нет,
И ценится лишь звон монет,
Тогда за вас за всех и за себя я трушу.

Ко всем призывам добрым мы глухи,
Упрямы от рождения до гроба.
Тогда рождаются стихи,
Как исцеление от злобы.

Когда с собой и с жизнью я в ладу,
Ничто меня не мучит, не тревожит,
И жизнь не на реку- на тихий пруд похожа,
И дни размеренно, как ходики идут,

Ласкает ветер листики ольхи,
И навевают сон древесной жизни звуки.
Тогда рождаются стихи,
Как исцеление от скуки.

Когда, родная, мы с тобой вдвоём,
Весь мир- в тебе, и большего не надо;
Твой взгляд, твой вздох, улыбка- мне награда,
Когда одним дыханьем мы живём,

Мне кажется: я искупил грехи,
Коль не совсем то, может, хоть отчасти.
И вот тогда рождаются стихи,
Как исцеление от счастья.

Коротко о многом и о многих

Как не может река течь ни в гору, ни вспять,
Так нельзя дурака убедить и унять.

Увлечений в нём гиблая масса,
Но стремится он к новым и новым.
Отказавшись от рыбы и мяса,
Он умрёт совершенно здоровым.

У судьбы свои промашки
И ошибок тоже тьма:
Коль родился кто в рубашке,
Часто вовсе без ума.

Человеку светоч—знание,
А без знания—полный мрак.
Но какое наказание—
Образованный дурак.

О, женщины, постичь вас невозможно—
Скрыт в вас под благочестием порок.
Так в позолоченных таится ножнах
Смертельно жалящий клинок.

Прекрасным дорожа, и от искусства млея,
Не нажил ни гроша, хоть родился евреем.

Не воевал, не привлекался,
Не награждён и не сидел,
Талантами не отличался--
За что ж ты в жизни преуспел?

Всё человечество любя,
И принца, и бродягу,
Он больше всех любил себя
И потому был скрягой.

Крестьянская болезнь

Мой дед—еврей-крестьянин
(Отнюдь не анекдот)
Вдолбил в моё сознание,
Чем человек живёт:

Первей всего—работа,
В ней гаву не лови—
Труд до седьмого пота
И в поле, и в любви.

Всё дедовские гены—
О прочем промолчу.
Как вижу копну сена,
Так женщину хочу.

Желтеет в поле клевер,
Рожь зреет—я торчу.
Мне вряд ли кто поверит:
Я женщину хочу.

Жена меня ругает.
(А виноват-то дед)
Она не понимает
В чём корень наших бед.

В любое время года,
Хоть жалуйся врачу,
Лишь выйду на природу—
Я женщину хочу.

Знать, такова порода,
Тут хоть на стенку лезь,
Страсть к бабам на природе—
Крестьянская болезнь.

КТО МЫ

Кто мы - и лиц, и имён разнородье?
Есть даже негры в нашей породе.
Всех языков вавилонская помесь.
Дом наш- планета, наш Бог- наша совесть.

Мы разлетались рваным туманом
В рабство, в изгнанье в разные страны.
Тысячи лет- нет спокойной минуты
Жертвам-виновникам мора и смуты.

Всюду гонимы, всеми презренны,
Символ стяжательства, подлой измены.
Пепел костров серебрил наши кудри,
Ужас погромов в глазах наших мудрых.

Нас истребляли веками без меры,
Нас заставляли менять нашу веру,
Над нами смеялись, над нами глумились-
Мы выживали, рожали, молились.

Нас называют дружным народом-
Я был не раз своими же продан.

Нас заклеили трусостью мерзкой-
А сколько среди нас и храбрых, и дерзких.

Разные мы—все разные люди.
Бог лишь один простит иль осудит.
Всем непонятна наша дорога—
К счастью ли, к мукам ли- всё равно к Богу.

Мы нареклися народом избранным-
Избранность наша нас мучит и ранит.
Нас собирают в святом Израиле,
Мы же с чужбиной расстаться не в силе.

Мы- торгоши, мудрецы и поэты-
Соль и проклятие целой планеты.
Всех удивляем судьбою своею.
Кто мы такие? Мы просто евреи.

Любовь

Любовь-это счастье, любовь-это горе,
Восторги и ревность, томленье, тоска,
Желанье и глупая радость во взоре,
Дрожащая в ласке нескромной рука.

Тот счастлив, кто в эту пучину ныряет,
Хоть раз, но отдавшись любовной волне,
Смеётся над теми, кто страсти не знает,
Но, кто не любил, тот счастливее вдвойне.

Моей жене

Что женщина—исчадь ада,
Известно миру неспроста.
Но ей даны за то в награду
Загадочность и красота.

Мне не постичь тебя вовеки,
Живи с тобой хоть тыщу лет,
Как невозможно человеку
Поймать руками лунный свет.

И не могу никак понять я:
В тот давний день, суди сама,
Как красное в обтяжку платье
Навек свело меня с ума.

Тем, что мы в женщине разбудим,
Её ругая и любя,
Тем и довольствоваться будем,

И в том винить должны себя.

С тобой за всё вдвоём в ответе:
За ссоры и блаженства миг,
А есть ещё и внук, и дети—
Не так уж мало на двоих.

Пусть женщина исчадь ада-
С тобой готов в аду гореть.
Мне рая без тебя не надо,
Лишь ты была б всегда и впредь.

И если б жизнь начать сначала,
Случилось бы в моей судьбе,
Не сомневаюсь я ни мало:
Я б вновь женился на тебе.

Можно...

Можно долго жить, а можно—много.
Можно не по возрасту стареть.
Можно о туман поранить ногу,
Но нельзя не жить и умереть.

Можно жить мечтою вместо хлеба,
Можно лишь в стихах тебя любить,
Можно вверх смотреть, не видя неба,
Можно, можно, но зачем так жить?

Можно и любить, и ненавидеть,
В лес весенний заходить, как в храм,
И бывать лишь на себя в обиде,
Вот за это я и жизнь отдам

Моим ровесникам

Что взгрустнули, друзья,—что кончается жизнь?
Человеческий век так предательски краток.
Мы привыкли всё время куда-то спешить,
А теперь, не спеша, доживаем остаток.

Сквозь чужие туманы, чужие дожди
Что Вам видится в этом обманчивом свете?
Мой ровесник, подарков от жизни не жди,
В чём был прав, в чём не прав—сам за всё ты в ответе.

Не ропщи на судьбу, не жалея о былом.
Всё, что было—с тобой—память в этом порукой.
В паутине сомнений утешься в одном,
В том, что жизнь продолжается в детях и внуках.

Эпитафия (себе)

Признание поэту—лишь в могиле,
От недругов спастись нету сил,
Уже б за то Вы все меня б ценили,
Что я вас всех так искренне любил.

Моим «старикам»

Любовь родителей слепа,
Порой бывает и глупа,
Бывает детям ненавистна,
Но как чиста и бескорыстна.

Как жаль, что нежность и признанье
За нашу чёрствость в наказанье,
Тоску и боль унять не в силах,
Приносим мы лишь к их могилам.

Мой груз

Я не скулю не жалуясь, но всё же
Как трудно всё привычное менять.
Всему есть время: и уж мне, похоже,
Жизнь не удастся новую начать.

Всё, что пережил: радости, тревоги,
Друзья, дороги, холмики могил—
Мой груз—и драгоценный, и убогий—
Всё, всё, что я за жизнь свою скопил.

В чужой реке по жизни я плыву,
В ней ждут меня и мели, и пороги,
Груз давит и во сне, и наяву,
Слепит глаза и заплетает ноги.

И радость, и беда мне этот груз.
Я им живу, но он же и обуза,
И, видно, зря покинул я Союз—
Как дальше плыть с таким громоздким грузом?

Наши годы

Расседлали коней и забросили сбрую.
Вместо бешеной скачки — диванный уют.
Нынче тетерева по-другому токуют,
Кузнецы в дымных кузнях мечи не куют.

В предрассветный туман не нестись нам по плёсам,
И не цокот копыт-- слышен скрип половиц.
Не для нас расплетаются девичьи косы,
Нам не черпать воды из забытых криниц.

Так зачем же всё чаще и чаще нам снится
Запах скошенных трав и прозрачный ручей,
И призывное ржанье гнедой кобылицы,
И зовущий в походы сигнал трубачей?

Не любим

Не любим мы открытости, огласки,
И потому на нас не лица—маски.
Используем любой порыв и случай,
Чтобы казаться и умней, и лучше.

Неразделённая любовь

Я живу без Тебя, душу попусту трачу,
Одинокий, как камень в снегу.
Будто в музыке дней для меня скрипка плачет,
Словно жизнь предо мною в долгу.

Я люблю Тебя так, что сильнее невозможно.
Ты прекрасней и ярче мечты.
Слышу голос негромкий, зовущий, тревожный,
Только вот- я не знаю: кто Ты.

Я других обнимал, лишь себе изменяя,
Ошибался и снова искал.
И о чём бы ни пел, мысли в строки слагая,
Я Тебя сам себе создавал.

Сколько истин банальных, но важных, на свете,
Сколько в нас непонятных стихий.
От любви разделённой рождаются дети,
А от неразделённой — стихи.

Ни о чём?

Не заметил—вырос внук .
Разве так бывает: вдруг?
Говорят: мне - шестьдесят,
Может, правду говорят?

Возмущаюсь: год - короче,
Но зато длиннее ночи.
Был когда-то наш ручей,
Нет тебя, и он – ничей.

Чаще — было, реже — будет.
Суетятся также люди.
Всё о том же говорят:
Есть рассвет и есть закат.

Я здесь - зритель, жизнь — кино,
Чем закончится оно?
Для меня или для Них?
И о чём был этот стих?

Новогодние пожелания

В этом мире — всё не ново:
Нужен голос, чтобы петь;
Чтоб любить как Казанова,
Недостаточно хотеть.

Молодость—задор и страсти,
Зрелость—мера и расчёт,
Старость—горечь и напасти,
И лишь изредка—почёт.

Главное—не перепутать:
В юности—не горевать,
Чтобы в старости кому-то
От страстей не пропадать.

Чти родителей и Б-га,
Радуйся тому, что есть,
Не суди соседа строго,
Береги жену и честь.

Не люби двух женщин сразу,
Береги семейный быт,
Не носи домой заразу:
Гоноррею, насморк, спид.
Уважай чужое мнение,
Не гуляй, как в марте кот,
Помни: жизнь—одно мгновенье.
Веселись под Новый Год!

Ностальгия

Тоска по родине не вздор
И ностальгия не причуда.
Я понял это лишь с тех пор,
Как мы уехали «оттуда».

Умом я понимаю: здесь
Жизнь лучше, хоть она контрастна.
Но вот душой своей я весь
На нашей родине несчастной.

Расчерченный ковёр полей,
И чистота, и супермаркет,
Но, почему-то, мне милей
Запущенные наши парки.

Там- неурочная жизнь,
Порядка нет и нет зарплаты.
И где ещё тебя, скажи,
Так мастерски покроют матом?

Где так умеют пить и есть
И над собою зло смеяться?
Нет, мне Россию не забыть,
Хоть знаю: поздно возвращаться.

Пусть ты мне мачехой была,
Но дети мать не выбирают.
Я не держу на сердце зла,
Лишь о хорошем вспоминаю.

Одет, обут и сытно ем,
Но гложет душу ностальгия.
Хоть и уехал насовсем,
Я вечно твой, моя Россия.

О постоянстве

Я постоянство не люблю, не верю
В одну любовь и в истину одну.
Мне по душе находки и потери.
Менял я женщин, поменял страну.

Как, день за днём, не померев от скуки,
Есть, пить, любить одно и то ж,
Смотреть в одни глаза и гладить те же руки—
Вчерашний день на завтрашний похож.

О, Русь!

Героям, царям и кликушам
Извечно в России почёт.
И ныне доверчивы души,
И ныне беспечен народ.

И ныне упрямо, как прежде,
Судьбину лихую коря,
Россия лелеет надежду
На доброго батьку-царя:

Придёт он—врагов покарает,
Накормит, согреет, нальёт,
И жизнь покажется раем,
И счастье, как солнце, взойдёт.

Не видя дороги в тумане,
Надеясь на царский венец,
Когда же от самообмана
Избавится Русь, наконец!?

Обращение к музе

С потерей волос и иллюзий,
С утратой надежд и друзей,
Ты зря обращаешься к музе:
Что ты в ней найдёшь, ротозей?

Ты—нищий у здания банка,
У женского лона—скопец,
В лукошке с грибами—поганка,
Ты попросту старый глупец.

И не нарушить закон, да
И поздно тебе нарушать.
Загадку—улыбку Джаконды—
Другим суждено разгадать.

Панацея

От всех болезней нет одной пилюли?
От всех несчастий панацеи нет?
Кто вам сказал? Наверно, вас надули!
На все вопросы есть один ответ.

Ну, скажем, в Трире мерзкая погода:

Всё лето -слякоть, а зимой--гроза.
Спасенье есть в любое время года—
Заткни покрепче уши и зажмурь глаза.

Ну, кто-то бросил бомбу на дорогу,
Погибли люди, чья-то мать в слезах.
Ведь не тебе же оторвало ногу--
Заткни покрепче уши и зажмурь глаза.

Сосед соседу под крыльцо нагадил,
Другой при детях матерно сказал.
Ты только не волнуйся, Б-га ради,--
Заткни покрепче уши и зажмурь глаза.

Пусть мир бурлит от споров и сомнений—
Ты будь во всём не против и не за,
Что б избежать ненужных треволнений,
Заткни покрепче уши и зажмурь глаза.

Пацаны

Одни – душою старцы с колыбели,
И нет в том ни заслуги, ни вины.
Другие, сколько б годы не летели,
Всегда, до самой смерти,-- пацаны.

Мы—пацаны с седыми волосами.
Мы—безрассудны, как в 15 лет.
Как матери нагоревались с нами,
Так с нами жёнам дня покоя нет.

Мы влюбчивы, обидчивы, упрямы,
Мы вспылчивы, беспомощны, нежны.
Порой не знаем, что хотим мы сами,
Зато всегда мы знаем, что должны.

Да, правда, с нами нелегко порою—
Мы не для скучной жизни рождены.
Пусть не красавцы мы и не герои—
Мы—Ваши любящие пацаны.

Песня

В беспросветную ночь,
Где не светит луна,
Я бы с милой не прочь
Посидеть у окна.

Посидеть, попенять
На бессонную ночь.

И друг друга понять,
И друг другу помочь.

Но она далеко,
Да и есть ли она?
Одному не легко
Ночь сидеть у окна.

Я бы с другом вдвоём
Выпил рюмку с тоски-
Пусто в доме моём,
И друзья далеки.

Ночь молчит за окном,
А о чём- не понять,
Видно, мне с ней вдвоём
До рассвета молчать.

Может, где-то в ночи
Кто-то тоже не спит,
И о чём-то молчит,
И о ком-то грустит.

Я б к нему поскакал,
Да, жаль, нету коня,
Я бы в гости позвал--
Не услышит меня.

Вот приходит рассвет,
Гонит солнце тьму прочь:
Облегчения нет--
Будет новая ночь.